Мы используем cookie-файлы. Продолжая пользоваться сайтом, вы принимаете условия Пользовательского соглашения ОК

24.05.2019 3159 Пушкин 220. Побег в Арзрум

Побег в Арзрум, или Самое загадочное путешествие Пушкина (№ 3)

«Блог русского путешественника»: рассказ о том, как поэт, издатель и писатель Сергей Дмитриев отправился в турецкий Эрзурум ровно через 190 лет после Пушкина и что увидел в пути

Статья о путешествии Пушкина в Арзрум

Текст: Сергей Дмитриев

Фото: funkyimg.com

Издатель, поэт и историк **Сергей Дмитриев** выпустил уже около двадцати книг, в том числе десять стихотворных, а также книги «Последний год Грибоедова», «Владимир Короленко и революционная смута в России». Он — вдохновитель и создатель интернет-антологии «Поэтические места России», которая связывает имена русских поэтов с историей различных мест нашей страны.

Сергей Дмитриев и сам много путешествует, он уже много лет следует путями русских поэтов. В том числе — **Александра Сергеевича Пушкина**. «Год Литературы» публикует его дорожные записки — своего рода «блог русского путешественника», в котором описывается его путешествие по следам Пушкина в Арзрум — современный турецкий Эрзурум.

Пост № 3

В прошлый раз мы остановились на том, что **24 мая 1829 г**. Пушкин добрался на своем пути до Георгиевска. И вот как он описал увиденное им в дороге:

«До Ельца дороги ужасны. Несколько раз коляска моя вязла в грязи, достойной грязи одесской. Мне случалось в сутки проехать не более пятидесяти верст. Наконец увидел я воронежские степи и свободно покатился по зеленой равнине. В Новочеркасске нашел я графа Пушкина, ехавшего также в Тифлис, и мы согласились путешествовать вместе.

Переход от Европы к Азии делается час от часу чувствительнее: леса исчезают, холмы сглаживаются, трава густеет и являет большую силу растительности; показываются птицы, неведомые в наших лесах; орлы сидят на кочках, означающих большую дорогу, как будто на страже, и гордо смотрят на путешественника…»

В этом отрывке поэт упомянул графа **Владимира Алексеевича Мусина-Пушкина**, своего старого знакомого, который за близость к декабристам переводился из гвардии на Кавказ в Тифлисский полк и составил Пушкину добрую компанию, тем более приятную, что граф следовал к месту назначения на бричке, полной всяческих припасов и представлявшей собой «род укрепленного местечка». Друзья путешествовали вместе больше двух недель, вплоть до прибытия в Тифлис.

С поэтом в степи на пути к Георгиевску успела произойти и одна забавная история, когда он встретил в дороге калмыков:

*«Калмыки располагаются около станционных хат. У кибиток их пасутся их уродливые, косматые кони, знакомые вам по прекрасным рисункам **Орловского**.*

*На днях посетил я калмыцкую кибитку (клетчатый плетень, обтянутый белым войлоком). Всё семейство собиралось завтракать; котел варился посредине, и дым выходил в отверстие, сделанное в верху кибитки. Молодая калмычка, собою очень недурная, шила, куря табак. Я сел подле нее. «Как тебя зовут?» — «***». — «Сколько тебе лет?» — «Десять и восемь». — «Что ты шьешь?» — «Портка». — «Кому?» — «Себя». — Она подала мне свою трубку и стала завтракать. В котле варился чай с бараньим жиром и солью. Она предложила мне свой ковшик. Я не хотел отказаться и хлебнул, стараясь не перевести духа. Не думаю, чтобы другая народная кухня могла произвести что-нибудь гаже. Я попросил чем-нибудь это заесть. Мне дали кусочек сушеной кобылятины; я был и тому рад. Калмыцкое кокетство испугало меня; я поскорее выбрался из кибитки и поехал от степной Цирцеи».*

И неудивительно, что эта, казалось бы, незначительная история стала поводом для написания Пушкиным в Георгиевске **27 мая** стихотворения «Калмычке» - одного из первых его нового кавказского цикла, навеянного дорогой.

Прощай, любезная калмычка!

Чуть-чуть, на зло моих затей,

Меня похвальная привычка

Не увлекла среди степей

Вслед за кибиткою твоей.

Твои глаза конечно узки,

И плосок нос, и лоб широк,

Ты не лепечешь по-французски,

Ты шелком не сжимаешь ног…

Что нужды? - Ровно полчаса,

Пока коней мне запрягали,

Мне ум и сердце занимали

Твой взор и дикая краса.

Друзья! не всё ль одно и то же:

Забыться праздною душой

В блестящей зале, в модной ложе,

Или в кибитке кочевой?

Полный этими впечатлениями и воспоминаниями о своей жизни на Кавказе девять лет тому назад, Пушкин и написал в итоге стихотворение, в котором звучит тема прежней любви, вспыхнувшей в нем вновь: *«Мне грустно и легко — печаль моя светла,/ Печаль моя полна тобою»*… В тот же день в Георгиевске Пушкин сделал черновые наброски своего известного стихотворения «На холмах Грузии лежит ночная мгла», хотя и до Грузии еще было далеко, и первые строки гениального творения звучали еще совсем по-другому: *«Всё тихо, на Кавказ идёт ночная мгла,/ Восходят звёзды надо мною…»* И вот что любопытно: как всегда, толчком для поэтического взлета стал конкретный

момент в жизни Пушкина, связанный с тем, что **27 мая** он ненадолго съездил из Георгиевска на Горячие Воды. *«Здесь я нашел большую перемену,* — отметил Пушкин, описав благоустроенный бульвар, чистенькие дорожки, зеленые лавочки, цветники. *- Мне было жаль их прежнего, дикого состояния; мне было жаль крутых каменных тропинок, кустарников и неогороженных пропастей, над которыми, бывало, я карабкался. С грустью оставил я воды и отправился обратно в Георгиевск. Скоро настала ночь. Чистое небо усеялось миллионами звезд. Я ехал берегом Подкумка. Здесь, бывало, сиживал со мною А. Раевский, прислушиваясь к мелодии вод. Величавый Бешту чернее и чернее рисовался в отдалении, окруженный горами, своими вассалами и, наконец, исчез во мраке...»*

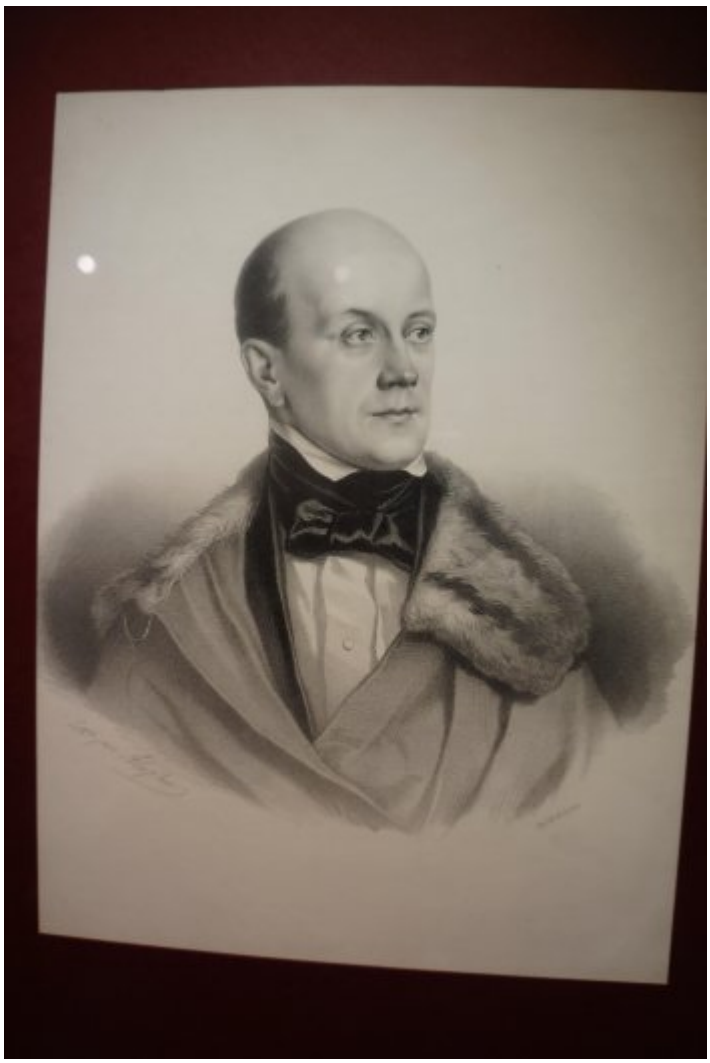
А теперь, пока Пушкин удаляется все дальше и дальше от Москвы, вернемся к истокам путешествия поэта в Арзрум. Почему оно началось именно весной **1829 г**. и куда именно ехал поэт? Чтобы понять это, следует напомнить, что Пушкин только в **сентябре 1826 г.**, лишь за два с половиной года до своего побега на Кавказ, почувствовал себя почти свободным человеком после долгого «заточения» в Михайловском.

8 сентября 1826 г. у поэта состоялась первая и на много лет единственная встреча с императором Николаем I. Судьба поэта висела на волоске - неверные слова или дерзость могли привести его даже не в Михайловское, а намного дальше.

Но все обошлось. Как рассказывал позднее сам император: *«Я впервые увидел Пушкина… после коронации, в Москве, когда его привезли ко мне из его заточения… “Что вы бы сделали, если бы 14 декабря были в Петербурге?” - спросил я его между прочим. “Был бы в рядах мятежников”, - отвечал он, не запинаясь. Когда потом я спрашивал его: переменился ли его образ мыслей и дает ли он мне слово думать и действовать впредь иначе, если я пущу его на волю, он очень долго колебался и только после длинного молчания протянул мне руку с обещанием сделаться иным».*

Итогом разговора стала договоренность, что Пушкину, как сообщал ему шеф жандармов и начальник Третьего отделения императорской канцелярии генерал **А. Х. Бенкендорф**, «предоставляется совершенная и полная свобода», в том числе в «употреблении отличных способностей» для «воспитания юношества», что поэт может приезжать в столицы, но «предварительно испрашивая разрешения письмом» (это касалось и других его поездок), а «государь император сам будет и первым ценителем произведений и цензором» Пушкина. Прощение было получено, и поэт ощутил наконец «прелести свободы», правда, под бдительным начальственным надзором, который не мог не усложнять его жизнь.

Так, отправляясь в Петербург в **апреле 1827 г**., он испросил на это разрешение у императора и получил от него положительный ответ с уверенностью, что «данное русским дворянином государю честное слово: вести себя благородно и пристойно, будет в полном смысле сдержано». Однако столицы не вдохновляли поэта, прошло совсем немного времени, а страсть Пушкина к путешествиям проснулась в нем с новой силой. Ему было мало «недалеких разъездов» по Центральной России, его душа снова рвалась в «дальние дали» и неведомые страны.



Конечно, на страсть и тягу Пушкина к путешествиям не могло не влиять то, что многие его друзья и соратники успели уже посетить различные страны и не раз рассказывали ему об увиденном. Так, **П. Я.Чаадаев**, старший товарищ и наставник поэта, послуживший одним из главных прототипов Евгения Онегина, успел с **1823 г**. около трех лет пропутешествовать по Европе, посетив «мировые столицы» Лондон, Париж, Рим, а также Милан, Флоренцию, Венецию, Берн, Женеву, Дрезден и

Карлсбад. И он мог вслед за **Гёте** сказать: «Кто хорошо видел Италию, и особенно Рим, тот никогда больше не будет совсем несчастным».

Чаадаев в ходе путешествий смог насколько возможно расширить свои представления о «Божьем мире» и устройстве жизни разных народов, и этот опыт не мог не подействовать магически на впечатлительного Пушкина.

Добавим к этому «Письма русского путешественника» **Н. М. Карамзина**, увидевшего Европу еще в конце **XVIII века**; участие в первом кругосветном путешествии русских кораблей **(1803–1806) Ф. И. Толстого**, прозванного Американцем, высаженного за неповиновение на Алеутских островах и добиравшегося через Сибирь в Россию два года; странствия по Европе многих боевых участников Наполеоновских войн, рассказывавших о своей миссии поэту, а также кругосветное плавание **(1822–1824) Д. И. Завалишина**, в том числе к берегам Русской Америки под флагом Российско-американской компании.

Некоторую обиду у Пушкина вызывало и то, что многие его сослуживцы по Коллегии иностранных дел, куда поэт был приписан в **1817 г**. вместе с **А. С. Грибоедовым** и **В. К. Кюхельбекером**, успели уже послужить на ниве зарубежной дипломатии. Не будем пока говорить о самом Грибоедове, который еще в **1819–1821 гг**. прожил в Персии около трех лет, упомянем только два славных имени в

истории русской поэзии — **Константин Батюшков** и **Федор Тютчев**. Первый из них, участник Отечественной войны **1812 г**., друг Пушкина, дошел с русской армией до Парижа и сумел посетить Польшу, Пруссию, Силезию, Чехию, Францию, Англию, Швецию и Финляндию (*«Все видел, все узнал и что ж? из-за морей // Ни лучше, ни умней // Под кров домашний воротился...»* - писал он о своих странствиях). Пережив «три войны, все на коне и в мире на большой дороге», измученный болезнями К. Н. Батюшков перевелся на дипломатическую службу и в **1819 г**. прибыл в Неаполь, где был причислен к неаполитанской миссии в качестве сверхштатного секретаря при русском посланнике графе **Г. О. Штакольберге**. Вскоре он переселился на остров Искью близ Неаполя, а впоследствии долго лечился в Германии.

Ф. И. Тютчев, окончив Московский университет, с **1822 г**. начал служить в Министерстве иностранных дел. Родственные связи дали ему возможность занять место при русской дипломатической миссии в Мюнхене. Место было скромным, сверх штата, лишь в **1828 г**. поэта повысили до младшего секретаря, но по роду своей службы он часто посещал Францию, Италию, Австрию, а впоследствии долго служил в Турине. В целом в Мюнхене и Турине он пребывал **с 1822 по 1839 г**., лишь изредка приезжая на Родину в отпуск, и, конечно, богатый опыт путешественника не мог не отразиться на творчестве великого поэта, в том числе и на осмыслении им «с далекого расстояния» России.

Упомянем, что по дипломатической части служил в те годы **Ф. С. Хомяков**, брат А. С. Хомякова, заменивший Грибоедова на месте секретаря по иностранной части при генерале **Ф. И. Паскевиче** в Тифлисе, а также родной брат будущей жены Пушкина **Дмитрий Гончаров** (1808—1860), посетивший после смерти Грибоедова Персию в составе русской миссии. Знакомый Пушкина **Ф. Ф. Вигель** еще в **1805 г**. в составе посольства **Головкина** отправился в Китай, хотя и не был допущен в Пекин, а

лицейский товарищ поэта **Ф. Ф. Матюшкин** участвовал в полярной экспедиции в поисках северного пути в Китай, и именно ему Пушкин посвятил восторженные строки:

Сидишь ли ты в кругу своих друзей,

Чужих небес любовник беспокойный?

Иль снова ты проходишь тропик знойный

И вечный лед полуночных морей?

И вот в середине **апреля 1828 г**., лишь стало известно о начале новой русско-турецкой войны, Пушкин обращается к императору с просьбой вместе с **П. А. Вяземским** «участвовать в начинающихся против турок военных действиях», но получает отказ с отпиской, что в армии «все места заняты». Подоплекой отказа стало, в том числе, мнение великого князя Константина Павловича, который писал Бенкендорфу: *«Вы говорите, что писатель Пушкин и князь Вяземский просят о дозволении следовать за Главной императорской квартирой. Поверьте мне, любезный генерал, что в виду прежнего их поведения, как бы они ни старались высказать теперь преданность службе его величества, они не принадлежат к числу тех, на кого можно бы было в чем-либо положиться…»*

Ответ Бенкендорфа поэт получил **20 апреля**, а **25 апреля** Полномочным министром российской миссии в Персии был назначен Грибоедов, приехавший в Петербург с Туркманчайским миром всего лишь за месяц с небольшим до этого. Получив отказ в поездке на войну, поэт от огорчения сильно захворал, впав «в болезненное отчаяние… сон и аппетит оставили его, желчь сильно разлилась в нем, и он опасно занемог», как вспоминал навещавший Пушкина сотрудник Третьего отделения **А. А. Ивановский**.

Конечно, рассказы Грибоедова не могли не повлиять на желание Пушкина отправиться именно на Восток, где вершилась судьба многих народов, где в новых баталиях ковалась слава русского оружия. Пушкин, как и в **1821 г**. во время греческого восстания (вспомним фактически отдавшего свою жизнь за свободу Греции, заболевшего и умершего там в **апреле 1824 г. Байрона**), хотел пойти добровольцем на освободительную войну, но император решил по-другому, сообщив, что «воспользуется первым случаем, чтобы употребить отличные… дарования» Пушкина «в пользу отечества».

И вот что весьма занимательно: в эти дни, а именно **18 апреля**, на квартире у **В. А. Жуковского** встретились сам хозяин, Пушкин, **И. А. Крылов**, П. А. Вяземский и Грибоедов, которые договорились вместе поехать в Париж, а может, и посетить Лондон. Вяземский писал жене на следующий день: *«Вчера были мы у Жуковского и сговорились пуститься на этот европейский набег: Пушкин, Крылов, Грибоедов и я. Мы можем показываться в городах, как жирафы… не шутка видеть четырех русских литераторов… Приехав домой, издали бы мы свои путевые записки…»* **21 апреля** Пушкин снова обращается к Бенкендорфу, «сожалея, что желания» поехать на войну «не могли быть исполнены», и

тут же просит о новой поездке: *«Так как следующие 6 или 7 месяцев остаюсь я, вероятно, в бездействии, то желал бы я провести сие время в Париже, что, может быть, впоследствии мне не удастся. Если Ваше превосходительство соизволите мне испросить от государя сие драгоценное дозволение, то вы мне сделаете новое, истинное благодеяние»*.

Из этих слов видно, как сильно хотел Пушкин увидеть Европу, ведь чтобы добраться до Парижа, нужно было проехать несколько стран. Лучше всего о страсти поэта воочию увидеть далекие страны рассказала в своих записках **А. О. Смирнова-Россет**, с которой Пушкин часто встречался в салоне вдовы историка **Е. А. Карамзиной**. Вот как она передала весьма красноречивые для нашего повествования слова поэта: *«Я желал бы видеть Константинополь, Рим и Иерусалим. Какую можно бы написать поэму об этих трех городах, но надо их увидеть, чтобы о них говорить. Увидеть Босфор, Святую Софию, посидеть в оливковом саду, увидеть Мертвое море, Иордан! Какой чудесный сон!»*

«Затем он говорил о Риме сперва идолопоклонническом, потом христианском, - продолжала Смирнова-Россет, - *говорил об Иерусалиме, причем я заметила, что он был взволнован. Глаза его приняли выражение, которого я не видала ни у кого, кроме него, и то редко. Когда он испытывает внутренний восторг, у него появляется особенное серьезное выражение: он мыслит. Я думаю, что Пушкин готовит для нас еще много неожиданного. Несмотря на веселое обращение, иногда почти легкомысленное, несмотря на иронические речи, он умеет глубоко чувствовать. Я думаю, что он серьезно верующий, но он про это никогда не говорит. Глинка рассказал мне, что он раз застал его с Евангелием в руках, причем Пушкин сказал ему: "Вот единственная книга в мире; в ней все есть"*.

Я сказала Пушкину: "Уверяют, что вы неверующий". Он расхохотался и сказал, пожимая плечами: "Значит, они меня считают совершенным кретином"».

Заметим, что из трех великих городов, выделенных Пушкиным, Иерусалим и Константинополь - это жемчужины Востока, Рим был когда-то столицей империи, простиравшейся на три континента - Европу, Африку и Азию, а Библия вообще самый выдающийся памятник восточной культуры. И как жаль, что поездка по Европе самых лучших поэтов России так и не состоялась, она могла бы стать одним из самых выдающимся событий в истории русской литературы и, конечно, пополнила бы ее сокровища. Вяземский вскоре с горечью констатировал: *«Пушкин с горя просился в Париж: ему отвечали, что, как русский дворянин, имеет он право ехать за границу, но что государю будет это неприятно»*. Грибоедов же **6 июня** отправился в Персию, откуда ему не суждено было вернуться.

Проходит всего лишь несколько месяцев, и Пушкин, у которого возникли серьезные неприятности с поэмой «Гавриилиада», снова бредит Востоком. В письме Вяземскому **1 сентября 1828 г.** он пишет: *«Ты зовешь меня в Пензу, а того гляди, что я поеду далее, // Прямо, прямо на восток...»* Пушкин воспроизводит здесь строку из стихотворения В. А. Жуковского с показательным названием «Путешественник» **(1809)**, посвященное Востоку и являющееся вольным переводом стихотворения **Шиллера** с тем же названием. В этот период за поэтом усиливается полицейский надзор: еще в августе по Положению Правительствующего Сената, утвержденного императором, за поэтом устанавливалось строгое «секретное наблюдение». При любой поездке начальству той губернии, куда ехал Пушкин, приказывалось взять его под «секретный надзор». И конечно, чувствовавший все

это поэт не мог не желать того, чтобы вырваться из-под присмотра и совершить наконец тот самый побег, который он «давно замыслил». И как ни странно, ему это вскоре все-таки удалось!..

Ведь **4 марта** поэт получил подорожную «на проезд от Петербурга до Тифлиса и обратно», подписанную санкт-петербургским почт-директором **К. Я. Булгаковым**, минуя Третье отделение и нарушая при этом установленный порядок. Поэта ждало весьма длительное странствие: почтовый тракт от Петербурга до Тифлиса охватывал 107 станций и 2670 верст.

Куда же все-таки ехал Пушкин? Вопрос этот совсем не праздный, ведь не случайно же П. А. Вяземский, прекрасно знавший и Грибоедова, и Пушкина, сообщал в своих письмах и дневниках того периода, что Пушкин отправлялся куда-то «дальше», «на Восток». В предисловии к «Путешествию в Арзрум» сам автор вот так объяснил свой поступок: *«В 1829 году отправился я на Кавказские воды. В таком близком расстоянии от Тифлиса мне захотелось туда съездить для свидания с братом и с некоторыми из моих приятелей. Приехав в Тифлис, я уже никого из них не нашел. Армия выступила в поход. Желание видеть войну и сторону мало известную побудило меня просить у е. с. графа Паскевича-Эриванского позволение приехать в Армию. Таким образом видел я блистательный поход, увенчанный взятием Арзрума».*

Однако что-то здесь концы с концами не сходятся, ведь поэт еще в Санкт-Петербурге получил, можно сказать, «по блату», благодаря своему знакомству с почт-директором А. Я. Булгаковым, подорожную сразу до Тифлиса, а не до Кавказских вод. Позволим себе высказать предположение, которое, конечно, следует еще подтвердить и доказать, что во время своих встреч в Петербурге

Пушкин и Грибоедов могли договориться о том, что Грибоедов, имея полномочия по приему в состав своего посольства новых сотрудников, в случае приезда Пушкина в Тифлис попытается принять его на службу или просто возьмет с собой в Персию. Для Пушкина, как сотрудника Коллегии иностранных дел, которого никуда не отпускало начальство, такой поворот в судьбе мог быть весьма привлекательным, особо учитывая его желание воочию увидеть Персию и постоянные неувязки в тот период с устройством им своей личной жизни (вспомним хотя бы о готовности поэта уехать в Китай в долгосрочную экспедицию).

Пушкину было хорошо известно, что Грибоедов как российский посланник в Персии должен был длительное время находиться именно в Тифлисе, отправляясь оттуда в Персию и возвращаясь обратно (напомним, что, уехав из Петербурга в конце **июля 1828 г**., Грибоедов отправился в Персию лишь **6 октября**, а из Тегерана в Тавриз он планировал вернуться как раз в **конце января — начале февраля 1829 г**., когда и произошла трагедия). И Пушкин, отправляясь на Кавказ из Петербурга в начале марта 1829 г., как раз и мог рассчитывать на то, что он застанет Грибоедова в Тифлисе. А само ужасное известие о гибели поэта-дипломата дошло до Пушкина уже в Москве около **20 марта (1 апреля)**, что не могло не внести коррективы в его планы. Ведь поэт, перестав торопиться, пробыл в Москве до **2 (14) мая**, причем он отправился сначала именно в Орел к генералу **Ермолову**, с которым Грибоедов служил долгие годы.

В Москве поэт обсуждал тегеранскую трагедию со многими своими знакомыми и друзьями, в том числе с сестрами Ушаковыми, о чем может свидетельствовать очень выразительный портрет Грибоедова, который Пушкин нарисовал позднее в альбоме **Ел. Н. Ушаковой**. Примечательно, что поэт изобразил Грибоедова именно в персидской шапке. (В последний раз Пушкин нарисовал образ Грибоедова в своих рукописях в **мае 1833 г**.).

Пушкин не скрывал от друзей, что он собирается на Кавказ, и эта новость не могла не вызывать и в Петербурге, и в Москве кривотолки, во-первых, о каком-то мифическом плане Пушкина бежать через турецкое побережье за границу, во-вторых, об опасности такого путешествия, а в-третьих, о бросающейся в глаза схожести судьбы поэта с судьбой Грибоедова. **В. А. Ушаков**, например, писал: *«В прошедшем году (т. е. в апреле 1829 г.) я встретился в театре с одним из первоклассных наших поэтов и узнал из его разговоров, что он намерен отправиться в Грузию. “О боже мой, - сказал я горестно, - не говорите мне о поездке в Грузию. Этот край может назваться врагом нашей литературы. Он лишил нас Грибоедова”. - “Так что же? - отвечал поэт. - Ведь Грибоедов сделал свое. Он уже написал “Горе от ума”». А в письме московского почт-директора А. Я. Булгакова к брату от 21 марта 1829 г. говорилось о той же самой аналогии: «Он <Пушкин> едет в армию Паскевича узнать ужасы войны, послужить волонтером, может, и воспеть это все.*

“Ах, не ездите, - сказала ему Катя, - там убили Грибоедова”. - “Будьте покойны, сударыня, - неужели в одном году убьют двух Александров Сергеевичев? Будет и одного”».

Убегая на Кавказ, Пушкин не думал об опасностях своего пути:

Я ехал в дальние края;

Не шумных… жаждал я,

Искал не злата, не честей

В пыли средь копий и мечей.

Поэт, помимо предположительных договоренностей с Грибоедовым, мог рассчитывать на благосклонность к своей неустроенной судьбе и военного начальства на Кавказе, а именно И. Ф. Паскевича, который был женат на двоюродной сестре Грибоедова и по службе очень сблизился с ним в **1827—1828 гг**. Напомним, что Пушкин, окончив Царскосельский лицей и будучи в 1829 г. коллежским секретарем (чин 10-го класса), мог претендовать на службу офицером (штабс-капитан в пехоте, штабс-ротмистр в кавалерии, подпоручик гвардии). И хотя поэт понимал, что даже Главнокомандующий на Кавказе Паскевич не посмеет взять его в ряды армии, но на помощь его он мог надеяться, что и произошло позднее, ведь именно Паскевич разрешил Пушкину прибыть в армию и стать свидетелем ратных дел. Суть побега поэта и заключалась в том, что, не получив разрешение императора, он не мог не принять участие в событиях русско-турецкой войны и уехал на Кавказ, ожидая милости грядущих дней.

ПОЭТИЧЕСКИЕ МЕСТА РОССИИ

Поэт не мог не чувствовать витавшие и над ним порывы «роковой» судьбы. И как это часто бывало в его жизни, он сам смело шел навстречу этим веяниям, проявляя почти безрассудный героизм и стремясь к выполнению задачи, сформулированной им самим еще в **марте 1821 г**.: *«Сцена моей поэмы должна бы находиться на берегах шумного Терека, на границах Грузии, в глухих ущельях Кавказа…»* Начнем с того, что, фактически убегая из столиц якобы только для «свидания с братом и некоторыми из моих приятелей», поэт не мог не понимать, что его ждут серьезные неприятности.

Конечно, этот побег выглядел довольно странно. О планируемом отъезде поэта знали очень и очень многие, подорожная ему, хотя и с нарушениями, была выписана, Пушкин, приехав в Москву **14 (26) марта**, уехал из нее только в ночь на 2 (14) мая. Получается, что

недреманное око жандармского надзора почему-то выпустило из поля зрения поэта, и не специально ли Пушкину было дозволено все-таки отправиться на Кавказ, чтобы он мог воспеть впоследствии победы русского оружия?

«Узнав случайно, что г. Пушкин выехал из С.-Петербурга по подорожной, выданной ему… на основании свидетельства частного пристава Моллера» (а это стало известно в III Отделении еще **5 (17) марта)**, Бенкендорф **22 марта (3 апреля)** распорядился о продолжении за Пушкиным «секретного наблюдения» в местах следования. И, конечно, начальству было хорошо известно, что Пушкин более чем на полтора месяца задержался в Москве. Показательно, что уже **12 (24) мая** в Тифлисе генерал И. Ф. Паскевич довел до сведения военного губернатора Грузии **С. С. Стрекалова**, что направляющийся на Кавказ Пушкин должен состоять под секретным надзором. При этом сам Пушкин прибыл в Тифлис только **27 мая (8 июня)**.

Получается, что побег как бы был, но ему не очень-то препятствовали сверху. А самое удивительное, что Бенкендорф, не сообщавший о самовольном отъезде Пушкина императору четыре месяца, только **20 июля (1 августа)** подал Николаю I записку со странным вопросом: *«Надо его спросить, кто ему дозволил отправиться в Эрзерум…»* Государь потребовал в этом разобраться. А в это время Пушкин уже выезжал из того самого Эрзерума обратно домой… Дело, о котором мечтал поэт, дело в его судьбе уже было сделано и оставило неизгладимый след в его жизни…

Побег в Арзрум, или Самое загадочное путешествие Пушкина (№ 1)

«Блог русского путешественника»: рассказ о том, как поэт, издатель и писатель Сергей Дмитриев отправился в турецкий Эрзурум ровно через 190 лет после Пушкина и что увидел в пути

Побег в Арзрум, или Самое загадочное путешествие Пушкина (№ 2)

«Блог русского путешественника»: рассказ о том, как поэт, издатель и писатель Сергей Дмитриев отправился в турецкий Эрзурум ровно через 190 лет после Пушкина и что увидел в пути

#Пушкин #травелог

15:14 аль «Красная площадь»

«Жизнь моя песней звенела в народе...» Новые книги о Мусе Джалиле представили на «Красной площади»

Писатель и переводчик Алена Каримова: «В Мусе Джалиле меня подкупает чувство внутренней свободы»

#redfest #Муса Джалиль #год единства народов России #поэзия

13:32 аль «Красная площадь»

О сносе памятника Булгакову в Киеве, о противостоянии двух интеллектов и Союзе писателей. О чем еще говорил Владимир Мединский на «Красной площади»?

Владимир Мединский ответил на вопросы читателей и писателей на "Красной площади"

#Мединский #Союз писателей России #redfest

13:02 ень родились

Индия духа Амарсаны Улзытуева

Поэма «В Индию духа купить билет» Амарсаны Улзытуева создавалась в течение 33 лет; в день рождения русского поэта бурятского происхождения мы рассказываем о ней подробнее

#современная поэзия

12:42 гура и театр

«Я в большом восхищении». Мо Янь оценил спектакль по его роману в Александринском театре

В Петербурге выпустили спектакль «Устал рождаться и умирать»

#театр #Мо Янь #китайские писатели #Санкт-Петербург

12:10 аль «Красная площадь» Пушкин

Классика вдохновляет. Пушкин на Главной сцене

На Главной сцене книжного фестиваля «Красная площадь» отметили пушкинский день

#redfest #Пушкин

06.06.2026 расная площадь»

«Обыкновенное чудо» с симфоническим оркестром и «История одного города» с балалайками. Театральные сюрпризы «Красной площади»

Известные актеры Виктория Исакова и Александр Олешко читали на Главной сцене произведения литературных юбиляров этого года — Михаила Салтыкова-Щедрина и Евгения Шварца

#redfest #театр

Учредитель: АО “Издательство ”Российская Газета”
Адрес редакции: г.Москва, улица Правды. д.24, стр.4

Информационные партнеры:

Интернет-портал «ГодЛитературы.РФ» зарегистрирован в Роскомнадзоре 30.04.2015 г. Номер свидетельства ЭЛ № ФС 77 - 61688.

Редакция не несет ответственности за мнения, высказанные в комментариях читателей.
© 2026 ГодЛитературы.РФ

Рамблер ТОП100

26 720
22 182
15 345

рейтинг mail.ru

16+